

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	6
<i>Глава первая.</i> Лондон, февраль 1948 года	8
<i>Глава вторая.</i> Как я пришел в КГБ	19
<i>Глава третья.</i> Избранные	39
<i>Глава четвертая.</i> Люди в тени	119
<i>Глава пятая.</i> Встречи в Лондоне	160
<i>Глава шестая.</i> Тревога	201
<i>Глава седьмая.</i> Последняя игра	232
<i>Глава восьмая.</i> Три советских гражданина	297

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

25 мая 1951 года английская контрразведка МИ-5 установила исчезновение начальника департамента США английского министерства иностранных дел Дональда Маклина и первого секретаря английского посольства в Вашингтоне Гая Бёрджесса. В этот день предполагалось начать допросы Маклина на предмет его сотрудничества с советской разведкой.

Расследование затянулось почти на сорок лет. Выяснилось, что дело не только в двух дипломатах, а в целой группе из пяти английских аристократов, сотрудничавших с советской разведкой семнадцать лет, начиная от подготовки Второй мировой войны, в ходе ее и в течение первого этапа «холодной войны».

Средства массовой информации Англии и других стран Европы развернули кампанию по дискредитации «пятерки». При этом на них было вылито столько лжи, клеветы, грязи, бессовестного обмана, что меня, связанного в течение всей жизни с прессой, охватывал ужас. Я ничем не мог им помочь: не по моей воле пресса десятилетиями молчала об этом феноменальном явлении в разведке.

Сейчас они все умерли. И я считаю своим долгом и честью офицера восстановить правду. Я работал с ними последние годы, участвовал в организации их побега и ликвидации последствий провала.

Все они были убежденными антифашистами, некоторые даже марксистами. Изучая внешнеполитическую ин-

формацию середины XX века, наблюдая, как по всему свету расползаются смуты, войны, революции и другие потрясения, они не теряли оптимистической уверенности в том, что все эти процессы могут быть остановлены. Они не всегда одобряли политику советского правительства, но верили по крайней мере в позитивность его намерений.

В своей книге я делаю попытку дать правдивые портреты всех пяти моих кембриджских друзей: Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Бёрджесса, Энтони Бланта и Джона Кэрнкросса. Пусть они предстанут перед глазами читателей со всеми их достоинствами, слабостями и недостатками, ибо, несмотря на их героический подвиг, они были такими же людьми, как и все мы, каждый со своим характером, своими странностями и наклонностями.

Книга издана во Франции, Англии, США, Канаде и Испании и, судя по отзывам, везде имела большой успех.

Надеюсь, что она заинтересует и вас. Я, как и все мемуаристы, по словам В. В. Шульгина, льщу себя убеждением, что плохие записки для современников — хороши для потомков.

*Кандидат исторических наук, доцент,
полковник в отставке Ю. Модин*

Глава первая

Лондон, ФЕВРАЛЬ 1948 года

Я жил тогда в Лондоне. На дворе стоял февраль, самый ненастный и ветреный месяц года. Было далеко за полночь. Но мне не спалось. Не давала покоя мысль о том, что же известно Комитету государственной безопасности о Джоне Кэрнкроссе. Думал я и о предстоящей встрече с ним.

В течение нескольких дней я и Николай Борисович Родин — он же Коровин, мой официальный начальник и резидент КГБ в британской столице — неоднократно проверяли детали предстоящей встречи. Мне хотелось знать все о жизни и характере моего будущего первого оперативно-го агента Кэрнкросса, который значился в КГБ под кличкой «Карел». С ним мне предстояло встретиться с глазу на глаз в ближайшее время. Надо было составить его психологический портрет, что позволило бы предсказать, как он поведет себя в той или иной ситуации.

В неторопливой беседе Коровин предупредил меня, что у этого агента есть два серьезных недостатка: склонность к забывчивости и необязательность — он почти никогда не приходит на встречу вовремя. Я, конечно, учел это предупреждение и соответственно подготовился.

Прежде всего тщательно продумал, какое выбрать место для наших дальнейших встреч после установления первого контакта, который должен был быть подготовлен не мной, а Миловзоровым, бывшим в то время связным Кэрнкросса. Миловзорову следовало представить меня Кэрнкроссу и уйти.

Несколько дней я потратил на то, чтобы найти такое место в Лондоне, которое устроило бы меня и агента. Ины-

ми словами, это должно было быть кафе или ресторан, расположение которого Кэрнкросс мог легко запомнить и чувствовать себя там в безопасности. Однако окончательное решение осталось за Миловзоровым.

Затем я принялся за разработку маршрута, по которому следовало отправиться на встречу. Какую-то часть пути надо будет пройти пешком, затем совершить длительную, запутанную поездку в метро с несколькими остановками, пересадками, возвратом назад. Необходимо также удостовериться, что за мной никто не идет по пятам.

На составление таких маршрутов всегда требуется много времени, но тщательность, с которой я их разрабатывал, оправдывала себя. Мне следовало оставаться «чистым», что на нашем профессиональном языке означало отсутствие слежки. К сожалению, не все наши связники были так осторожны. После двух-трех благополучных встреч они расслаблялись, теряли бдительность, пренебрегая элементарными приемами, обеспечивающими безопасность. Я быстро уяснил для себя, что Коровин — наш активный агент, сам разработавший сугубо практическую систему отрыва от возможных преследователей, — стал без должного уважения относиться к тем самым правилам, неукоснительное следование которым строго предписывал другим работникам. В конце концов его небрежность привела к потере нескольких агентов.

Коровин предложил мне встретиться вечером, за день до моего первого свидания с Кэрнкроссом. Обсуждать было уже нечего, но я не стал возражать и пришел к нему в кабинет. Коровин с важным видом поднялся с места, шумно отодвинул стул и, обогнув письменный стол, опустился в кресло напротив меня.

— Юрий Иванович, — начал он менторским тоном, который уже стал меня раздражать, — вы легко можете себе представить, какие большие надежды возлагает на «Карела» Москва, особенно военные. Посмотрите, как быстро Центр отстранил Миловзорова от работы с «Карелом», когда у него возникли проблемы во взаимоотношениях с

агентом. Если вы будете действовать так же, то, несомненно, погубите свою карьеру.

Коровин помолчал. На его лице появилось умиротворенное выражение, словно он не без удовольствия представил себе, что будет со мной, если я попаду в немилость.

— Интересно, какую кличку вы собираетесь выбрать для себя. Я полагаю, вы подумали над этим?

А я об этом вовсе и не думал, меньше всего волновала меня в то время кличка. Куда более важная проблема стояла передо мной: а справлюсь ли я вообще с этой работой? Но надо было что-то ответить.

— Да, конечно. Если не возражаете, я возьму кличку «Питер».

Я мог бы с таким же успехом сказать «Макс», «Гарри» или «Джим», но я остановился на «Питере», может быть потому, что видел в детстве фильм «Под крышами Парижа», в котором главного героя звали Питер.

«Питер» был первым из длинного ряда моих псевдонимов. Мои коллеги знали меня под разными именами. Я пользовался ими, работая со своими агентами, или подписывая телеграммы и документы, отправляемые в Москву из лондонской резидентуры. Для одних агентов я был Питер, другие называли меня Джорджем и т. д. Каждая группа оперативников знала меня под определенной кличкой.

— Теперь, Юрий Иванович, действуйте самостоятельно, — сказал Коровин, выходя из кабинета и закрывая за собой дверь.

В ночь перед тем, как отправиться на первую встречу, я спал крепко, хорошо зная себя: чем сильнее опасность, тем спокойнее я становлюсь. Я уже точно продумал, что именно следует спросить у моего будущего агента. Тем не менее я хорошо понимал, что самое главное на первой стадии знакомства — это создать благоприятную атмосферу для дальнейшей работы.

Но душа моя была беспокойна. Я все-таки испытывал тревогу перед встречей с этим человеком, который был значительно старше и неизмеримо опытнее меня. И в то

же время ликование, казалось, охватило меня всего. Я отдавал себе отчет в том, что работа моя связана с большим риском, но был уверен, что не ошибся, избрав карьеру разведчика, пусть пока только «винтика» в огромной машине московского Центра.

В это утро погода в Лондоне была особенно сырой и промозглой. Я вышел из дома рано и отправился, как обычно, в советское посольство. Навстречу мне двигались толпы спешащих в свои офисы бледных и насквозь промокших прохожих. И, глядя на них, я теперь уже не сомневался, что вписываюсь в эту общую картину, ничем не выделяясь. Лондонцы, простые рабочие и служащие, не обращали на меня никакого внимания.

В посольстве я поработал до обеда и пошел в столовую один, чего, как правило, никогда не делал раньше. Почему? Я не знаю, но мне как-то не хотелось разговаривать с сослуживцами. Мои мысли сосредоточились на предстоящей встрече, хотя на первый взгляд она не представлялась такой уж важной. Мне, собственно, нечего сказать «Карелу», а у него не могло быть пока ничего особенного для меня. Это — просто первая встреча, и даже не с глазу на глаз, а в присутствии Миловзорова, и все же — мое первое активное задание в Лондоне.

После обеда я пошел в кино. Сеанс окончился где-то около шести вечера, и на улице уже стемнело. Моросил мелкий ледяной дождь. Я поднял воротник плаща, глубже надвинул на уши шляпу и стал похож на настоящего конспиратора. Казалось, все прохожие, шедшие мне навстречу, догадывались, что я шпион. На самом же деле англичанам, вобравшим головы в плечи под морозящим дождем, не было никакого дела до Юрия Ивановича Модина, младшего офицера КГБ, вышагивавшего на свою первую встречу с английским агентом.

За два часа я проделал весь тот мучительный путь, который предварительно разработал: пересек несколько жилых районов, улиц и площадей, на которых даже малому ребенку не трудно было бы засечь наблюдателя, если бы

таковой появился. Одно из моих неукоснительных правил — постараться выбрать улицу с тротуаром, расположенным только по одной стороне. Что это мне давало? Ну, например, я иду по такой улице, затем, пройдя полдороги, неожиданно поворачиваю и возвращаюсь обратно. Если за мной прилепился «хвост», он окажется перед выбором: быстро перейти на противоположную сторону и тем самым обнаружить себя; столкнуться со мной лицом к лицу или же принять более благоразумный вариант — обойти пару кварталов и постараться обнаружить меня. Но это даст мне достаточно времени, чтобы оторваться от слежки.

Пройдя запланированную часть пути пешком, я спустился в метро, вышел на одной из станций и широкими концентрическими кругами стал приближаться к месту встречи — популярному бару в Западном Лондоне. Но мне этот бар был не знаком, и как только я увидел его впечатляющую дверь, окна с зарешеченными стеклами и уютный, ярко освещенный интерьер, то остро почувствовал, что место это мне вовсе не нравится: мы будем здесь явно на виду. Бар был выбран Миловзоровым, которому, скорее всего, хотелось использовать эту встречу как последний шанс хорошо провести время в удобной пивнушке за казенный счет.

Было уже восемь вечера, а я, постоянно проверяясь, все еще устал шагал по соседним улицам. Наконец, убедившись, что слежки за мной нет, спокойно вошел в бар. Оглядевшись, еще раз убедился, что мои подозрения небезосновательны: встречаться с агентами в подобных местах крайне рискованно. Дело в том, что лондонские пивные бары — это, по существу, клубы, которые посещают за всегдатаи, хорошо знающие друг друга в лицо. Я мог ходить по улицам, не привлекая ничьего внимания, но в баре дело обстояло иначе. Тут я чувствовал себя неловко, во мне легко было распознать иностранца, совершенно не привыкшего к таким местам. Я никогда не узнаю, какова будет реакция того или иного посетителя, если, конечно, когда-нибудь не получу доступа к английским разведывательным

архивам (а дело на меня, я в этом уверен, конечно же, там есть). Итак, войдя в бар, я почувствовал, что все посетители пристально рассматривают меня, причем довольно недоброжелательно.

И хотя Коровин показывал мне фотографию Кэрнкросса, я не был вполне уверен, что узнаю его в баре. Я поискал глазами самый темный уголок и по пути заказал у стойки кружку пива. Только я уселся, вижу — идет Миловзоров, а впереди него человек в старом плаще, лет тридцати пяти, в нем я сразу признал нашего агента.

Они выбрали себе столик. Тогда я встал и присоединился к ним.

Глядя на них, мне стало ясно, что эти двое плохо подходят друг к другу. Миловзоров, мрачный, раздражительный человек с плохим характером, редко бывал в хорошем расположении духа, а в этот вечер выглядел еще угрюмее, чем всегда. Он избегал встречаться со мной взглядом и разговаривал только с Кэрнкроссом.

— Это Питер, — сказал он, кивнув, наконец, на меня. — Отныне он будет вашим связным. Работник проверенный и пунктуальный. Желаю обоим всего наилучшего.

С этими словами он поднял свою рюмку, выпил ее до дна, поднялся и неловкой шаркающей походкой вышел из бара, оставив нас двоих, с каким-то чувством неловкости оглядывающих друг друга.

Так продолжалось несколько минут, в течение которых я попытался составить свое впечатление об этом человеке. Джон Кэрнкросс был типичным шотландцем, довольно высоким, с костистым лицом и бегающими глазами. Я по опыту знал, что хорошо воспитанные люди неизменно обладают несколькими чертами, которые выделяют их из толпы: ботинки у них выглядят так, как будто их только что почистили; рубашки могут быть поношенными, но воротнички жестко накрахмалены; на брюках, даже если они потрепанные, всегда бросается в глаза «стрелка». У Кэрнкросса не было ни одной из этих черт. Кроме того, я сразу заметил, что он близоруk, хотя и ходит без очков.

Я подавил в себе желание задать ему несколько вопросов, зная, что это неуместно и несвоевременно. Для проформы мы выпили по паре кружек пива, поговорили о каких-то пустяках, как это обычно делают благовоспитанные, впервые встретившиеся люди, которым нечего особенно сказать друг другу.

Наша беседа не имела профессионального характера, так как я не знал, как приступить к делу, хотя это и было единственной целью нашего пребывания в баре. Бывает иногда такое состояние, когда не знаешь, что сказать человеку, недостатки которого хорошо известны. Это похоже на первое свидание мужчины и женщины, которые мало знают друг друга, думают об одном и том же, а нужных слов не находят. Кэрнкросс был совершенно спокоен, я тоже не терял присутствия духа, но при этом чувствовал, как его быстрые глазки профессионально оценивают меня. Я был отнюдь не первым его связным, а по крайней мере третьим или четвертым. Он, казалось, сравнивает меня с ними. Я чувствовал себя новичком под его пристальным взглядом и подумал, что хотя он и старше меня всего лишь лет на девять, но, несомненно, опытнее.

Не было смысла затягивать встречу и задерживаться в заведении, где в любую минуту нас мог заметить кто-нибудь из знакомых. Несмотря на профессиональную выдержку, в душе у меня все кипело. Надо же было поставить меня в положение, когда я так бросаюсь в глаза. Для себя я уже твердо решил, что впредь никогда не буду встречаться с агентами в барах. То, что по одежде я не отличался от англичанина, не имело к делу никакого отношения: я мог бы вырядиться в шотландскую юбку, и все равно никто бы не принял меня за шотландца.

Кэрнкросс и я поставили свои кружки на стол одновременно. Перед тем как распрощаться, я назначил место и время нашей следующей встречи — восемь часов вечера на Хэммерсмит-Гроув, 12 марта 1948 года.

За месяц вперед я уже разработал точный план, по которому мне следовало добираться к месту назначен-

ной встречи, и, предварительно побеседовав с Коровиным, отрепетировал его несколько раз. Моей первой заботой было свести до минимума риск для нашего агента, учитывая его рассеянность и недостаточную пунктуальность. Впоследствии мне постоянно приходилось обращать на это особое внимание, так как его недостатки могли в любой момент иметь для нас обоих самые печальные последствия. И я с самого начала решил, что нам надо встречаться в местах, хорошо ему известных, и всегда в один и тот же час — восемь вечера.

Таков был мой первый опыт работы в качестве связного с оперативными агентами. Все это казалось мне в новинку, и я признаюсь, что не был полностью подготовлен к выполнению таких заданий. Ведь я никогда не был прирожденным разведчиком и даже отдаленно не напоминал Джеймса Бонда или сыщика из романов Джона Ле Карре*. Откровенно говоря, в шпионских романах мне всегда был ближе тип, описанный Эриком Эмблером**, который дает более точный портрет представителя этой профессии, нежели Флеминг*** или Ле Карре.

Я отнюдь не какой-нибудь выдающийся человек, обладающий исключительными талантами, и мой интеллект не выше среднего. Учился я всегда хорошо, и в средней школе, и в Высшем военно-инженерном училище, но никогда не имел особого дара к шпионажу. Фильмы, книги и газеты тенденциозно изображают шпионов как крутых суперменов, но я в свое время повидал их достаточно, и, на мой взгляд, описания подобных личностей в литературе далеки от действительности. В большинстве случаев их интел-

---

* Ле Карре Джон (род. в 1931 г.) — псевдоним английского писателя Корнуэлла, автора детективных романов («Убийство по-джентльменски», «В одном маленьком немецком городке» и др.)

** Эмблер Эрик — автор английских детективных романов.

*** Флеминг Йен (1909–1964) — американский писатель, автор романов авантюрно-приключенческого жанра, главным персонажем которых является тайный агент 007 — Джеймс Бонд.

лектуальный уровень оставляет желать лучшего. Кстати, это совсем не так уж и плохо. Я по опыту знаю, что высокий балл по тесту на определение интеллектуального уровня вовсе не должен служить главным критерием выбора обычного секретного агента, который на деле всего лишь солдат в общей системе разведки.

И в то же время для шпиона совершенно необходимы такие качества, каких нет у солдата. Например, в его характере должна быть непосредственная, живая, с озорнинкой струнка. Этому трудно поверить, но на деле так оно и есть. Подобная натура поможет выдержать стрессы, возникающие из-за постоянной опасности, так часто встречающейся в нашей работе. Когда агент утрачивает это особое качество, он превращается в машину, становится человеком черствым, излишне строгим и жестоким, анализирующим события холодно и методично. Функционировать-то он будет, но не завоюет у собеседника уважения, потому что у него не найдется ни энтузиазма, ни интуиции, ни восторга, которые позволят ему увидеть то, чего не могут заметить другие.

Я также думаю, что разведчик должен быть и хорошим политиком. В противном случае толку от него не будет никакого, ибо он никогда не сумеет задать правильного вопроса в подходящий момент и не соберет нужную информацию. Я с уважением отношусь к людям с высокоразвитой политической ориентацией. Имея с ними дело, легко себя чувствуешь, а это в свою очередь облегчает работу разведчика. Эффективно работающий агент обладает способностью анализировать политические проблемы не хуже опытного политика. Если он хочет, чтобы информация, которую он направляет в Центр, принесла какую-то пользу, то не должен посылать ее в том объеме, в каком получил. Следует классифицировать ее, выделив те пункты, по которым можно предугадать или которые помогут предсказать грядущие события. Агент должен прогнозировать сегодня то, что его начальники потребуют завтра. Если он будет ждать распоряжений сверху, то упустит время, и риск, которому он подвергал себя, добывая информацию, ока-

жется напрасным, ибо полученные им сведения потеряют актуальность. К сожалению, слишком многие из агентов КГБ склонны были дожидаться приказаний.

Я уверен, и свою уверенность подтвердил для себя позднее, когда преподавал в разведывательной школе, что каждый агент должен внимательно следить за политическими событиями, если хочет прогнозировать окончательный результат своей задачи. Иначе пользы от его работы будет не много. Агенту, воображающему себя неким Джеймсом Бондом, нет места в разведке. Я знал таких людей, которые пытались копировать шпионов из детективов Йена Флеминга, изображавших из себя героев, щеголяющих добытыми ими чепуховыми сведениями, жадных до секса, якобы неустрашимых и постоянно участвующих в различных потасовках. Никто из них не пошел далеко.

Хороший секретный агент должен быть сильным физически и морально. Как говорится, «в здоровом теле — здоровый дух». Если человек физически здоров, это поможет ему преодолевать тяжелые нагрузки, более того, даст возможность подходить к сложным проблемам, оценивая их с предельной ясностью, независимо от того, разрешимы они или нет. Это может показаться банальным, но утомительная, полная нервотрепки работа агента, с ее тайными встречами и постоянной настороженностью, оставляет в душе человека глубокие рубцы. Секретный агент гораздо больше уязвим и взвинчен, чем представитель любой другой профессии, которая не заставляет его жить в постоянном напряжении.

С первых дней своей тайной встречи с агентом за границей я понял, как важно быть физически подготовленным. Регулярные тренировки дают дополнительное преимущество, которое когда-нибудь может спасти тебе жизнь.

Для разведчика всегда существует разрыв между тем, что может показаться ему полезным на месте, и тем, что полагает важным его начальство. Это характерно для всех разведывательных служб, будь они советские, американские, французские или английские. Часто возника-

ют разногласия, а иногда даже явные противоречия между указаниями начальства и действиями агента. Хороший разведчик должен окружить себя оболочкой ледяного самообладания, которая даст ему возможность выполнить то, чего хотят от него руководители. Часто при самостоятельном подходе к делу агент и не подумал бы поставить перед собой такую задачу.

А стресс иногда бывает невыносим. Всегда нужно быть готовым к худшему. Вы боитесь провала, боитесь потерять контроль над собой.

Часто агенты заглушают свой страх алкоголем и много пьют. Нельзя, конечно, сказать, что все такие. Однако необходимость снять напряжение бывает иногда непреодолимой. Одних угнетает чувство глубокой вины, у других сложные отношения с женщинами, третьи погрязли в азартных играх. Чтобы агенту как-то расслабиться, ему необходимо иметь какое-нибудь хобби. Мы, русские, особенно любим работу на земле, и многие из наших сотрудников становились страстными садоводами. Они любовно ухаживают за растениями на маленьких участках вокруг дач. Или же проводят свободные часы, ремонтируя и украшая свои квартиры, часто без особой нужды. Чего мы все ищем — это возможности освободиться, отдохнуть от нервной изматывающей работы. Когда человек расслабляется, рассудок его становится спокойней, мысль — яснее. Я лично с удовольствием выращиваю овощи в загородном саду. Особенно люблю пекинский салат, капусту брокколи и всякую другую экзотику помимо традиционных русских культур.

То, о чем я пишу, может показаться совсем необычным по сравнению с тем, что приходится читать в многочисленных шпионских романах. Как правило, их герои не испытывают особых психологических проблем. Тем не менее такие проблемы есть. Но об этом я расскажу чуть позднее.